

УДК 349.41
ББК 67.407.1-32

Ryzenkov Anatoly Yakovlevich,
doctor of law, professor of the department of civil law
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: 4077778@list.ru

Рыженков Анатолий Яковлевич,
д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: 4077778@list.ru

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE LAND LEGISLATION

В статье рассматриваются пути повышения эффективности земельного законодательства, проводится доктринальный анализ содержания данной категории, ее толкование в судебной практике. Особое внимание обращается на пути обеспечения эффективности земельного законодательства в федеративных государствах, поиск новых критериев разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Автор приходит к выводу, что повышение эффективности законодательства возможно только при учете ряда объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов относится учет законодательным органом реальных общественных потребностей, прогнозирование результатов своего нормотворчества, соблюдение правил юридической техники и недопущение коллизий, а к числу субъективных факторов – квалификация депутатов представительных органов власти, уровень правосознания и правовой культуры населения и т. д.

This article discusses the ways for improvement of the land legislation efficiency, doctrinal analysis of the content of this category and its interpretation in the jurisprudence is performed. Particular attention is paid to the effectiveness of land legislation in federal states, as well as to the search for new criteria for distribution of authorities between the Federation and its entities. The author concludes that enhancement of the legislation efficiency is only possible with consideration of the number of objective and subjective factors. The objective factors include consideration of the actual social demands by the legislative authority, the forecasting of the results of its law-making, observance of the legal methods and avoiding collisions; the number of subjective factors include qualifications of deputies of the representative authorities, the level of legal awareness and legal culture of population, etc.

Ключевые слова: эффективное законодательство, федерация, гражданское общество, земельное право, гражданское право, депутаты, дублирование, природные ресурсы, органы исполнительной власти, общество, мониторинг.

Keywords: effective legislation, federation, civil society, land law, civil law, deputies, duplication, natural resources, executive authorities, society, monitoring.

Категория «эффективность» широко использовалась при описании правовых процессов в Советском Союзе и продолжает применяться в законодательстве России и стран СНГ, регулирующем самые различные вопросы. Не являются исключением и вопросы использования природных ресурсов.

В вопросе определения эффективности правового регулирования использования и охраны природных ресурсов есть три звена: эффективность законодательства, деятельности исполнительной власти, судебной системы.

Проще всего оценить эффективность деятельности органов исполнительной власти, чему посвящены многочисленные указы Президента РФ и постановления Правительства РФ. В качестве примера можно привести Указ Президента РФ от 10 сентября 2012 года № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности».

Есть достаточно четкие критерии оценки эффективности работы органов судебной власти. Главный такой критерий заключается в том, что вынесенные судьей решения не должны отменяться вышестоящими судебными инстанциями. Поэтому при рассмотрении на квалификационных коллегиях судей вопросов о поощрении или наложении взысканий на судью учитывается процент решений, отмененных апелляционной и кассационной инстанциями.

Намного более сложным представляется определение критериев эффективности работы законодательных органов и соответственно принимаемых ими законов. Если оценивать эффективность исходя из количества принятых законов, то тогда показатель количества вытеснит показатель качества. Можно оценивать качество закона исходя из количества внесенных в него поправок. В этом случае внесение в закон ежегодно до десяти и более изменений и дополнений будет говорить о том, что при принятии такого закона депутаты работали неэффективно. С другой стороны, внесение изменений и дополнений в законы часто вызвано объективными критериями, динамичным развитием общества. В качестве критерия эффективности можно было бы предложить результаты экспертизы законопроектов, которые проводят органы прокуратуры и Министерство юстиции РФ (если это законы субъектов РФ, то территориальные подразделения Министерства юстиции). Однако при проведении экспертиз данные органы власти часто преследуют свой ведомственный интерес и не всегда обладают штатом квалифицированных экспертов.

Остается единственный формальный критерий, связанный с подсчетом законов, признанных (полностью или частично) недействительными Конституционным Судом РФ. Однако здесь можно возразить, что ряд законов, которые содержат неэффективные процедуры, нарушающие права человека, до сих пор не отменены Конституционным Судом РФ просто потому, что перед ним не стоит задача ведения мониторинга качества законодательства.

К этому остается добавить, что у разных стран и народов существуют различные критерии понимания эффективности законодательства и правоприменения. Нельзя забывать,

что и в одной отдельно взятой стране в разные исторические эпохи критерии качества закона могут меняться. Например, в Советском Союзе справедливым и эффективным считалось применение мер уголовной ответственности за сделки с земельными участками (п. 27 ЗК РСФСР 1922 года). Однако в XXI веке этим уже никого не удивишь.

Над вопросом эффективности законодательства все чаще задумываются представители юридической науки и гражданского общества европейских стран. Например, опрос, проведенный в сентябре 2010 года в Болгарии, показал, что граждане этой страны дают плохую оценку своему законодательству. Так, 50% опрошенных сообщили, что главным недостатком законодательства является его частое изменение, в то время как 41,4% прямо обвинил в этом Национальное собрание. При этом данный опрос касался лишь законодательства, принятого с января по июнь 2010 года. За эти полгода Национальное собрание проголосовало за 71 законопроект, 6 новых законов и 43 поправки к 39 существующим законам. Авторы данного опроса отмечают, что, по мнению граждан, законы в Болгарии изменяются интенсивно, что приводит к нестабильности и непредсказуемости законодательства. Это также уменьшает доверие к Национальному собранию, ставит под сомнение качество законов [1].

В России характер и количество ежемесячно вносимых в законы изменений давно превышает любые разумные нормы, причем до столь высокой оценки своего представительного органа гражданами российскому парламенту еще далеко. Тем не менее данная проблема вполне интернациональна.

Для выявления критериев эффективности земельного законодательства обратимся к анализу действующих норм и правоприменительной практики.

Российское земельное законодательство использует критерий эффективности в двух основных случаях. Во-первых, для оценки эффективности использования земельных участков, находящихся в федеральной собственности (если специально созданная для этой цели комиссия признает использование земельных участков федеральными предприятиями и учреждениями неэффективным, такие участки передаются органам власти субъектов РФ и местного самоуправления для последующего предоставления в целях жилищного строительства или иных целей, причем каких-либо четких и прозрачных критериев определения эффективности в постановлении нет) [2].

Во-вторых, в ст. 34 ЗК РФ отмечается, что органы государственной власти и местного самоуправления обязаны обеспечить управление и распоряжение земельными участками, которые находятся в их собственности и (или) в ведении, на принципах *эффективности*, справедливости, публичности, открытости и прозрачности процедур предоставления таких земельных участков. Указан и путь достижения данной цели. Эти органы обязаны:

- принять акт, устанавливающий процедуры и критерии предоставления таких участков, в том числе порядок рассмотрения заявок и принятия решений. Рассмотрению подлежат все заявки, поступившие до определенного указанных процедурами срока. Запрещено установление приоритетов и особых условий для отдельных категорий граждан, кроме указанных в законе;
- уполномочить на управление и распоряжение земельными участками и иной недвижимостью специальный орган;
- обеспечить подготовку информации об участках, предоставляемых гражданам и юридическим лицам на опреде-

ленном праве и условиях (за плату или бесплатно), и заблаговременную публикацию такой информации.

Данные общие правила конкретизированы в законах субъектов РФ и актах органов местного самоуправления. Например, городской думой Ростова-на-Дону в соответствии с ЗК РФ принято Положение от 25 декабря 2002 года № 143 «Об основах регулирования земельных отношений в городе Ростове-на-Дону». Согласно п. 12 Положения земельные участки для размещения объектов мелкорозничной торговли предоставляются на условиях конкурса (аукциона). Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа признал данную норму соответствующей установленным в ст. 34 Земельного кодекса РФ принципам справедливости, публичности и открытости предоставления земельных участков для целей, не связанных со строительством [3].

Аналогичным образом в Определении СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 июля 2008 года № 18-ВПР08-40 отмечалось, что суд правильно признал недействительным договор купли-продажи земельного участка и применил последствия недействительности ничтожной сделки, поскольку орган местного самоуправления продал участок без торгов, чем нарушил регламентированные земельным законодательством принципы эффективности, справедливости, публичности, открытости и прозрачности предоставления земельных участков, а также интересы неопределенного круга лиц [4].

Из этого следует, что предусмотренная федеральным законом (ст. 34 ЗК РФ) оценочная категория (эффективность) конкретизируется нормативными актами региональных и местных органов власти путем указания на необходимость проведения торгов при предоставлении земельных участков для целей, не связанных со строительством, а решения судов подтверждают правильность такого понимания требований ст. 34 ЗК РФ. При этом ни законодатель, ни судебные органы не определяют и не разграничивают по содержанию принципы справедливости, эффективности, публичности и т. д.

Между тем представляется, что такое разграничение все-таки следует проводить, поскольку предусмотренные тем или иным органом власти меры могут быть справедливыми, но неэффективными либо эффективными, но не открытыми или непрозрачными. Для проведения такого разграничения необходимо проведение доктринального анализа категории «эффективность».

В рамках советской правовой науки эффективность законодательства тесно увязывалась с экономическими факторами. Как писал Л. С. Явич, «эффективность правового воздействия на общественные отношения в значительной (если не решающей) степени зависит от своевременного приведения права в соответствие с новыми потребностями экономического развития» [5].

И. С. Самощенко и В. И. Никитинский полагали, что категория «эффективность права» означает отношение между фактически достигнутым действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие правовые нормы [6]. При этом авторы полагали, что речь может идти как о положительных, так и об отрицательных целях и результатах.

По мнению В. С. Нерсисянца, эффективность законодательства определяется сложным комплексом социально-экономических, политических, правовых, нравственных и иных подобных факторов. «К основным правовым слагаемым эффективности законодательства относятся правовое

качество самого законодательства, эффективность правоприменительной деятельности, уровень правосознания правоприменителя и населения в целом» [7].

Л. И. Спиридонов писал, что истинный эффект юридической нормы – результат взаимодействия ее требований, обращенных к населению, с условиями его жизни, а также его социальными характеристиками. «Отсюда следует вывод, важный для теории управления общественными процессами в сфере правопорядка: повышение эффективности принимаемого закона возможно не только путем совершенствования его самого, но и путем изменений в социальной среде его функционирования. Более того, изменения социальной среды, то есть общественного бытия, в конечном счете не могут не оказываться более важными по сравнению с изменениями в самой правовой системе» [8].

С последней позицией следует полностью согласиться. Действительно, важным критерием эффективности тех или иных норм права является не только грамотная работа депутатов законодательных органов, но и уровень правовой культуры населения, само состояние (качество) социальной среды. Например, несмотря на то что нормы гражданского, земельного и градостроительного законодательства, определяющие порядок строительства объектов недвижимости, сформулированы вполне качественно, количество возводимых в России самовольных построек год от года только возрастает. Вероятно, одним из возможных вариантов формирования правовой культуры может стать развитие сети юридических клиник, оказывающих бесплатную юридическую помощь населению [9; 10]. Таковые есть, например, в нашем вузе.

Представляется, что эффективность земельного законодательства следует рассматривать как результат достижения положительных целей в сфере использования и охраны земли как природного объекта, природного ресурса и объекта недвижимого имущества. Моделирование таких целей должно осуществляться с учетом тех экономических, политических, экологических, социальных и иных целей и задач, которые стоят перед страной на современном этапе правовой реформы, объективных возможностей достижения таких целей, степени восприимчивости этих целей гражданским обществом.

Существует определенная специфика механизма повышения эффективности в разных отраслях законодательства. Российская Федерация является федеративным государством, что влечет за собой существование не только федерального, но и регионального законодательства. В отличие от гражданского или уголовного законодательства, относящегося к предметам исключительного ведения Российской Федерации, земельное законодательство относится к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов. Это, в свою очередь, означает, что обеспечение эффективности земельного законодательства возможно только в случае, если в России будет выстроен правильный баланс сферы разграничения компетенции между Федерацией и ее субъектами.

Одна из проблем здесь заключается в том, что правовой режим земельных участков как объектов недвижимого имущества определяется как земельным, так и гражданским законодательством. Для урегулирования большинства земельных вопросов на федеральном уровне принимаются комплексные правовые акты, содержащие нормы различной отраслевой принадлежности. Однако на уровне субъектов РФ принятие таких актов является затруднительным, поскольку гражданское законодательство находится в ис-

ключительном ведении Российской Федерации, а следовательно, субъекты РФ не имеют права принимать акты, содержащие нормы гражданского права [11].

Наиболее ярко специфика этой проблемы прослеживается в Федеральном законе от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Однозначно определить отраслевую природу большинства его норм, регулирующих особенности аренды, купли-продажи недвижимости (земельных участков) или выдел доли из общей собственности, не представляется возможным, что дает основания поддержать вывод о том, что законодатель, руководствуясь чисто практическими соображениями, фактически уже отошел от деления права на отрасли и жесткой привязки норм права к конкретным отраслям. В подобных комплексных законах нормы различной отраслевой принадлежности составляют неразрывное целое [12].

Из этого следует, что снижение эффективности законодательства субъектов РФ, регулирующего земельные отношения, имеет в своей основе конституционные нормы, разграничившие по разным предметам ведения нормы гражданского и земельного законодательства, регулирующие комплексный правовой режим земельных участков как объектов недвижимости.

Но почему законодатель пошел таким путем? При исследовании этого вопроса можно обнаружить, что, регулируя вопросы совместного ведения, Конституция России содержит ряд норм, дублирующих друг друга. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 72 Конституции России в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, вопросы природопользования, а также земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах.

Между тем, как отмечалось в научной литературе, упомянутое в ч. 1 ст. 72 Конституции России земельное, водное, лесное и иное законодательство как раз и регулирует как вопросы владения, пользования и распоряжения соответствующими природными ресурсами, так и собственно природопользование, под которым традиционно понимается совокупность всех форм воздействия человека на природу. Таким образом, по сути дела, в Конституции три раза сказано об одном и том же. Наряду с этим предметом совместного ведения особо охраняемые природные территории, правовой режим которых определяется упомянутым в ст. 72 Конституции России экологическим законодательством [13].

Представляется, что причиной такого дублирования правовых норм является использование авторами Конституции России сразу двух правовых традиций, каждая из которых по отдельности является вполне эффективной. С одной стороны, упоминание отраслей законодательства, каждая из которых относится к федеральному или региональному предмету ведения, – это следствие советской правовой традиции, уделявшей много внимания вопросам системы права и законодательства. С другой стороны, упоминание «природопользования» или «особо охраняемых природных территорий» – это следствие влияния европейской правовой традиции, скорее разграничивающей сферы жизнедеятельности, чем регулирующей их законодательство.

Так, согласно Основному закону Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года Федерация обладает исключительной законодательной компетенцией (ст. 73)

по вопросам обороны, гражданства, валюты, почты и т. д. К сфере конкурирующей компетенции Федерации и ее субъектов (земель) относится оборот земельных участков, земельное право и сельскохозяйственная аренда, а также жилищное дело и т. д. Кстати, гражданское и хозяйственное право – это тоже предмет совместной (конкурирующей) компетенции центра и регионов. Таким образом, включение всех вопросов, связанных с оборотом или иными земельными вопросами, в состав совместной (конкурирующей) компетенции позволяет избежать разрыва комплексных земельных отношений между центром и регионами. Однако наложение отраслей права и сфер жизнедеятельности в Германии также прослеживается.

Более четкое упоминание сфер жизнедеятельности, а не отраслей законодательства мы видим в конституционных актах Канады. При этом Гражданский кодекс Квебека – одной из провинций Канады – является образцом для изучения и подражания в самых развитых правовых порядках.

Таким образом, повышение степени эффективности земельного законодательства напрямую зависит от качества нормативного закрепления в Конституции России предметов исключительного и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, грамотного формулирования таких предметов, исключения возможности их дублирования. Наиболее удачным способом повышения эффективности правового регулирования земельных отношений являлся бы в стратегической перспективе переход от смешанной модели определения предметов ведения (отрасли законодательства плюс сферы жизнедеятельности) к какой-либо одной, советской либо канадской модели, что позволило бы сократить объем ненужного дублирования.

При этом представляется, что в современных условиях усложнения и увеличения числа межотраслевых связей советская модель разграничения между Федерацией и ее субъектами отраслей законодательства не является эффективной. Поэтому хотелось бы надеяться, что в будущем, при подготовке проекта новой Конституции, законодатель учтет эти обстоятельства.

Возвращаясь же к вопросу о критериях оценки эффективности работы законодательного органа, поставленному в начале статьи, хотелось бы заметить, что наиболее оптимальным критерием такой оценки могла бы стать позиция гражданского общества, создаваемые им контрольные структуры [14]. Именно об этом говорил в своем Послании к Федеральному Собранию Президент России В. В. Путин 12 декабря 2013 года. Он, в частности, отметил, что со-

временной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение. Чтобы формировать правовую базу для такого гражданского участия, Президент России попросил Общественную палату, Совет по правам человека, другие общественные и правозащитные организации активно включиться в подготовку проекта закона «Об общественном контроле» [15].

Представляется, что такой общественный контроль должен быть направлен в том числе на качество принимаемых законодательными органами Федерации и ее субъектов законов, включая и земельные вопросы. О необходимости проведения мониторинга эффективности земельного законодательства давно говорили представители юридической науки [16], и в случае реализации поручений Президента РФ он может быть проведен.

Таким образом, сформулируем выводы по рассмотренной проблеме:

1. Повышение эффективности законодательства возможно только при учете ряда объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов относится учет законодательным органом реальных общественных потребностей, прогнозирование результатов своего нормотворчества, соблюдение правил юридической техники и недопущение коллизий и т. д. К числу субъективных факторов, влияющих на качество земельного законодательства, относятся квалификация депутатов представительных органов власти, уровень правосознания и правовой культуры населения и т. д. В конечном итоге эффективность законодательства определяется реализацией поставленных в нем целей, его содержательной стороной, соответствием общечеловеческим ценностям, исполнением законодательных предписаний гражданами.

2. Наиболее эффективной моделью развития земельного (как, впрочем, и любого другого) законодательства является проведение широких общественных обсуждений его текста и/или концепции. В России уже состоялось публичное обсуждение законопроектов о полиции и образовании, а также Концепции развития гражданского законодательства (в пяти частях), которая легла в основу ряда проектов изменений и дополнений ГК РФ. Думается, что широкое участие гражданского общества в обсуждении наиболее проблемных сфер общественных отношений и путей их законодательного регулирования является наиболее перспективным для современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Raicheva I. Effectiveness of Bulgarian legislation [Электронный ресурс]. URL: http://bnr.bg/sites/en/Lifestyle/Life/Pages/151010_legislation.aspx/ (дата обращения: 22.12.2013).
2. О Правительственной комиссии по развитию жилищного строительства и оценке эффективности использования земельных участков, находящихся в собственности Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 22 августа 2008 года № 632 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 22.12.2013).
3. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 декабря 2004 года № Ф08-5871/04 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 22.12.2013).
4. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 июля 2008 года № 18-ВПР08-40 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 22.12.2013).
5. Жинкин С. А. К вопросу об условиях эффективности норм права // Новая правовая мысль. 2004. № 1. С. 37–39.
6. Самощенко И. С., Никитинский В. И. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 3–11.
7. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для юридических вузов / Под общ. ред. д-ра юрид. наук В. С. Нерсесянца. М., 1999. 824 с.
8. Спиридонов Л. И. Теория государства и права: учеб. М., 2001. 304 с.
9. Анисимов А. П. Бесплатная юридическая помощь населению: миф или реальность? // Юрист-практик. 2006. № 2. С. 5.

10. Чикильдина А. Ю. Юридическая клиника в действии // Юрист-практик. 2008. № 2. С. 3.
11. Бабайцева Е. А., Головченко В. Е. Правовое регулирование природопользования в Российской Федерации (цивилистический аспект) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 267–272.
12. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Теоретические проблемы соотношения норм земельного и гражданского права в контексте дискуссии о системе права // Современное право. 2011. № 7. С. 3–9.
13. Анисимов А. П. Конституционные основы природопользования и охраны окружающей среды в России: вопросы теории // Власть Закона. 2010. № 4. С. 22–32.
14. Ахметова Д. И., Грандонян К. А. Политическая конкуренция и структура гражданского общества // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1. С. 273–275.
15. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 22.12.2013).
16. Чикильдина А. Ю. К вопросу о повышении эффективности норм земельного законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2009. № 2. С. 72–77.

REFERENCES

1. Raicheva I. Effectiveness of Bulgarian legislation [Electronic resource]. URL: http://bnr.bg/sites/en/Lifestyle/Life/Pages/151010_legislation.aspx/ (date of viewing: 22.12.2013).
2. On the Government Commission for housing development and evaluation of the use of land owned by the Russian Federation: Government Decree of August 22, 2008 # 632 // Reference legal system «Guarant» [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru/> (date of viewing: 22.12.2013).
3. Resolution of the Federal Arbitration Court of the North Caucasus dated December 16, 2004 # F08-5871/04 // Reference legal system 'Guarant' [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru/> (date of viewing: 22.12.2013).
4. Statement of the IC on the civil cases of the Supreme Court dated July 1, 2008 # 18-40-VPR08 // «Guarantor» [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru/> (date of viewing: 22.12.2013).
5. Zhinkin S. A. The issue of the conditions law norms effectiveness // New legal conception. 2004. # 1. P. 37-39.
6. Samoshchenko I. S., Nikitinsky V. I. Study of the effectiveness of existing legislation // Soviet state and law. 1969. # 8. P. 3-11.
7. Problems of the general theory of law and the state: textbook for law schools / Under general editorship of the doctor of law V. S. Nersesyants. M., 1999. 824 p.
8. Spiridonov L. I. Theory of state and law: textbook. M., 2001. 304 p.
9. Anisimov A. P. Free legal aid to the population: myth or reality? // Legal practitioners. 2006. # 2. P. 5.
10. Chikildina A. Yu. Legal clinic in action // Legal practitioners. 2008. # 2. P. 3.
11. Babaytseva E. A., Golovchenko V. E. Legal regulation of wildlife management in the Russian Federation (civil aspect) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. # 3. P. 267–272.
12. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya., Charkin S. A. Theoretical problems of the ratio of the norms of the land and civil law in the context of discussions of the legal system // Modern law. 2011. # 7. P. 3–9.
13. Anisimov A. P. Constitutional foundations of the natural resources and environmental protection in Russia: issues of the theory // Rule of Law. 2010. # 4. P. 22–32.
14. Akhmetova D. I., Grandonyan K. A. Political competition and the structure of civil society // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. # 1. P. 273–275.
15. Putin V. V. Address to the Federal Assembly [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (date of viewing: 22.12.2013).
16. Chikildina A. Yu. On the issue of increasing the effectiveness of the rules of the land legislation // Property relations in the Russian Federation. 2009. # 2. P. 72–77.